

высокіе бугры, чтобы осмотрѣть море, и съ нихъ намъ видно, хорошо видно, множество такихъ же, какъ и наша, другихъ льдинъ, и сколько тамъ звѣрей и птицъ лежатъ и сидятъ на нихъ въ качествѣ пассажировъ! Чудная картинка! Воинъ тамъ сидитъ нальду цѣлое стадо гагъ и къ намъ доносится ихъ воркованье; тутъ ближе—на обрывѣ льдины лежать тюлени; тамъ плещется въ водѣ стадо луриковъ, тутъ пишутъ другое—черныхъ чистиковъ». Это лѣтняя картина.

«За промелькнувшимъ лѣтомъ, короткимъ лѣтомъ, наступила сразу зима; наши горы покрылись снѣгами и сугробами; наши заливъ замерзъ и подернулся синимъ льдомъ, потомъ и на него нанесло массу снѣга; и скоро мы ровно ничего не видѣли, кроме необозримаго снѣга, только съ горъ разматривая узкую полосу незамерзающей воды океана.... Полярная ночь совсѣмъ, казалось, скрыла отъ насъ и остальной міръ, погрузивъ насъ во мракъ трехмѣсячной суровой ночи. Стужа, страшная стужа, сковала камни и море». Только сѣверное сияніе по временамъ оживляло эту мертвую зимнюю картину.

На этомъ фонѣ сѣверной природы г. Понисловъ рисуетъ жизнь самоѣдовъ: вообще и самоѣдской семьи Фомы Вылки въ частности и въ особенности. Семья эта состоить изъ трехъ членовъ—отецъ, мать и мальчикъ Юдикъ очень способный и дѣльный мальчикъ—любить свою родину, но онъ слышитъ отъ автора разсказы о другихъ странахъ и о другой въ нихъ жизни и всю душу стре-мится узнать эти новыя для него страны и новую жизнь,—онъ живеть этой мыслью, но суровая природа Новой Земли не даетъ воз-можности осуществиться этой мысли. Лѣтомъ самоѣды Новой Земли были обезпечены пи-таниемъ. Зимою они поставлены были въ этомъ отношеніи въ трудныя условія. Дикие олени—ихъ почти единственная пища—уко-чевали далеко. Началась голодаvка. Фома Вылка со своею семью ушелъ изъ стана въ снѣжную пустыню въ надеждѣ отыскать оле-ней и не нашелъ; полу живые, голодные и обмороженные, они съ Юдикомъ возвраща-

ются въ свой станъ и здѣсь Юдикъ умираетъ. А что, еслибы этого Юдика вывезти во время въ Россію? Можетъ быть изъ него вышелъ недюженный человѣкъ на подобіе самоучки художника Тыко Вылка, о которомъ такъ много говорили газеты.

Разсказъ г. Понислова, хотя и страдаетъ по мѣстамъ отсутствіемъ художественности въ изложеніи, по моему мнѣнію, можетъ имѣть символическое значеніе. Сколько такихъ Юдиковъ остается въ безызвѣстности и погибаютъ среди нашего малокультурнаго крестьянства? Трудно учесть, но, судя по вышедшему изъ народа талантамъ, можно предполагать, что въ этомъ народѣ таятся громадныя духовныя силы. Дайте имъ выходъ—и они возвеличатъ дорогую родину.

С. Лосевъ.

Туапсе, Черноморской губ.

(До смыл. №).

✓ Изъ записокъ статистика.

Тагажмозерское общество.

Тагажмозерское общество Вытегорской волости состоить изъ небольшихъ деревень, расположенныхъ другъ отъ друга на довольно значительномъ разстояніи, среди лѣсовъ и болотъ. Сообщеніе между этими деревушками возможно кое-какъ только зимою по санному пути и лѣтомъ въ сухое время, а весною и осеню болота, лужи, ручьи, грязь, выбоины и кочки—дѣлаютъ сообщеніе невозможнымъ. Однако жители этихъ уголковъ, повидимому, и не думаютъ объ улучшenіи своихъ дорогъ, такъ какъ постыдція никогда никакъ не исправляются. Глядя на эти полудороги—полутроны, по которымъ впору бѣгать только легкому зайцу, невольно задаешься вопросомъ: «да выходятъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, обитатели этихъ уголковъ хоть когда нибудь изъ своихъ убѣжищъ? Да и нужны ли имъ хоть какія нибудь троны пѣшеходныя? И действительно, только развѣ ужъ по большой нуждѣ рѣдкій изъ обитателей этихъ берлогъ отваживается выглянуть изъ своего убѣжища въ сосѣднюю деревушку. Поэтому тагажмозеры живутъ своей обособленной жизнью и немногое заимствовали отъ своихъ болѣе

культурныхъ сосѣдей, живущихъ въ гораздо лучшыхъ условіяхъ. Весь умственный кругозоръ ихъ сводится къ тому, чтобы удовлетворить только насущнымъ потребностямъ своей незатѣйливой жизни; никакихъ духовныхъ запросовъ у нихъ почти нѣть.

Некультурность ихъ сказывается во всемъ: и въ образѣ жизни, и въ отношеніяхъ другъ къ другу, и въ домашнемъ быту и въ этомъ безнечномъ отношеніи къ своимъ же дорогамъ. Въ своей обыденной жизни жители этихъ деревушекъ никогда не додумываются до какихъ либо улучшений, которыя могли бы внести въ свою жизнь безъ особыхъ усилий и затратъ, напримѣръ,—въ устройствѣ своихъ жилищъ, въ производствѣ полевыхъ и иныхъ работъ, или—въ общественныхъ дѣлахъ, къ которымъ они относятся, кажется, вполнѣ индифферентно, а между тѣмъ многіе изъ нихъ не лишены природнаго ума и здраваго смысла. Грамотность здѣсь, не смотря на то, что школа существуетъ уже давно, плохо прививается къ населенію.

Интересно отношение здѣшнихъ жителей къ школѣ и вообще къ просвѣщенію. Не смотря на продуктивную работу школы, пользы просвѣщенія они не сознаютъ и если отправляютъ своихъ дѣтей въ школу, то думаютъ, что этимъ они дѣлаютъ пользу не себѣ и своимъ дѣтямъ, а наставникамъ, такъ какъ, въ силу своей некультурности, убѣждены, что школа открыта у нихъ не для ихъ пользы, а только—для материальной пользы самихъ преподавателей, чтобы тѣмъ имѣть возможность существовать на получаемое ими жалованье, постигнуть же всю важность духовной стороны просвѣщенія они никакъ не могутъ. Поэтому и откуда у нихъ сложился такой взглядъ на школу,—судить не берусь, но думаю, что причины этого заключаются вотъ въ чёмъ: во разбросанности и сравнительной удаленности деревень этого прихода, по отсутствію сносныхъ дорогъ между ними не всѣ дѣти школьнаго возраста могутъ посещать училище, особенно изъ бѣдныхъ семей,—затѣмъ недостаткомъ теплой одежды и обуви, да и изъ учащихся не всѣ аккуратно посещаютъ училище и не всѣ остаются въ немъ до окон-

чанія курса ученія; а ихъ невѣжественные родители, вѣчно сидящіе въ своихъ «берлогахъ» и никогда ничего лучшаго не видѣвшіе и ни о чёмъ лучшемъ не думавши, кроме добыванія насущнаго куска, по темнотѣ своей относясь безразлично къ просвѣщенію дѣтей, не могутъ ни уѣздиться въ познаніяхъ поучившихся, ни дать примѣненія этихъ познаній хотя бы прочтеніемъ какой либо книжки. Само собой разумѣется, что въ головахъ выучившихся и не нашедшихъ въ своей темпѣй средѣ никакого примѣненія приобрѣтенному познанію никогда не пробуждается сознаніе пользы обученія и эти грамотеи, выросши и наполовину забывши грамоту, такъ же безразлично относятся къ просвѣщенію слѣдующаго за ними поколѣнія. Преподавателямъ приходится ежегодно осенью самимъ обходить деревушки, убѣждать, почти уирашивать родителей отпустить дѣтей въ школу, а невѣжественные родители, не видя никакой оцѣнительной материальной пользы отъ грамоты, относятся къ этимъ увѣщаніямъ пессимистически и воображаютъ, что ихъ «Ваньки», «Степки» и «Мишки» могутъ и на самомъ дѣлѣ своимъ носѣніемъ школы принести пользу учителямъ, давая имъ возможность черезъ это удержаться на мѣстѣ и получать жалованье.

— Ну, да ужъ надо сдѣлать для тебя уваженіе,—отвѣ чаютъ они на увѣщанія преподавателей,—пусть Мишутка поучится пока!... И Мишутка отправляется въ школу съ сознаніемъ, что онъ этимъ дѣлаетъ великое одолженіе своимъ наставникамъ. Тутъ ужъ понятно его отношеніе и къ учительницѣ, и къ ученику. «Степушка» плохо пошелъ по ариѳметикѣ. Учительница особенно налагаетъ на него, чтобы онъ не отсталъ отъ другихъ учениковъ. Черезъ нѣкоторое время отецъ замѣчаетъ учительницѣ:

—Ужъ ты, Н—а Н—ва, не особенно утруждай Степушку то мово рехметикой то этой самой, потому—она ни къ чemu намъ, —рехметика то!...

Несмотря на всѣ доводы о пользѣ ариѳметическихъ познаній, темный родитель упрямо твердить свое:

—Нѣтъ!.. да и ни къ чему намъ режметика эта,—не въ кантору и идти!.. Ужъ ты уволь!...

На другой день «Степушка» на урокѣ арифметики отказывается отъ рѣшенія задачи, коротко поясняя...

—Мнѣ тятя не велѣлъ!...

Учительница озадачена; она не знаетъ, что дѣлать, какъ поступить съ юнымъ обскурантомъ, а тотъ, довольный ея замѣшательствомъ, лукаво замѣчаетъ:

—Если будешь принуждать меня къ задачамъ, такъ я и въ школу больше не пойду!...

—Да вѣдь ты въ школу то ходишь для своей же пользы, а не для меня!...

—Да-а! протягиваетъ Степка: а какъ мы не будемъ ходить въ школу, такъ и тебя здѣсь не будетъ,—не будешь и жалованья получать!...

Понятно, при такихъ условіяхъ не легка борьба съ невѣжественной косностью. Мнѣ кажется, что для достиженія сознанія населеніемъ пользы грамотности и для большей продуктивности школы въ такихъ глухихъ мѣстечкахъ вмѣсто рекомендуемыхъ, но не достигающихъ цѣли (а часто и унизительныхъ), эксперсий преподавателей по деревнямъ, съ выпрашиваніемъ учениковъ, было бы вполнѣ пѣлесообразнѣе устроить передвижную школу, которая функционировала бы въ болѣе населенныхъ деревняхъ,—по два—три года въ каждой, при чемъ главное вниманіе слѣдуетъ обратить не на численность учащихся, а на сознаніе родителями ихъ пользы обученія, т. е. вмѣсто 15—20 выпрошенныхъ учениковъ достаточно 10—8 чел., по такимъ, которыхъ бы родители сами привели въ школу безъ всякихъ увѣщаній и просьбъ со стороны наставниковъ. А чтобы грамота и въ этой глупи имѣла значеніе въ глазахъ населенія, необходимо дать ей примененіе,—нужно тутъ внѣшкольное образование: чтобы проходить грамотныхъ къ книгѣ, слѣдуетъ при школѣ вести постоянныя чтенія съ свѣтовыми картинами и раздавать населенію для чтенія книги изъ школьнай библіотечки. А для учащихся изъ дальнихъ деревень и для бѣднѣйшихъ—наложенный пріютъ

при школѣ, снабженный всѣмъ необходимымъ, имѣлъ бы важное значеніе для продуктивности школы. Снабдивъ школу всѣмъ необходимымъ, подыскивавъ для нея маломальски подходящее помѣщеніе,—обставивъ ее какъ слѣдуетъ, мы тогда только въ правѣ ожидать отъ нея успѣховъ. Только этимъ путемъ можно достигнуть хорошихъ результатовъ, а не вынужденными эксперсіями учащихъ по деревнямъ для собирания учениковъ.

Не лучше относятся здѣшніе жители и къ другимъ начинаніямъ, клонящимся къ ихъ общей пользѣ, и стараются видѣть въ нихъ не пользу общую, а личные выгоды инициаторовъ, отчего всякия попытки въ этомъ отношеніи почти всегда оставались безплодными, и жизнь обитателей этихъ угловъ идетъ по старому, давно проторенному дѣдами, пути, ни въ чёмъ никогда не культивируемая. Единственное, что заимствовали они изъ своихъ поѣздокъ въ тягу на каналъ, это—подражательность молодежи въ костюмахъ, ея фатовская, подчасъ грубая, развязность въ обращеніи и фабричная «частушки-пѣсни», лучшаго же ничего они не приобрѣли, а ихъ взаимная и семейная отношенія стали, пожалуй, еще грубо.

Главное занятіе мѣстныхъ жителей, конечно,—земледѣліе; но почва здѣсь малоплодородная,—глинистая и супесчаная и при трехпольной системѣ обработки даетъ скучные урожаи; кроме того, благодаря обилию болотъ и озеръ, всходы здѣсь нерѣдко страдаютъ отъ заморозковъ. Недостатокъ хлѣба, получаемаго отъ полевыхъ урожаевъ, заставляетъ населеніе прибѣгать къ обработкѣ подсѣкъ, для раздѣливанія которыхъ ежегодно рубится и сжигается много лѣса. Но здѣшніе жители по темнотѣ своей не обращаютъ на это никакого вниманія и, повидимому, не понимаютъ вреда отъ такого хозяйствованія, благо подсѣки даются два-три удовлетворительныхъ урожая. Сѣять на здѣшнихъ поляхъ рожь, овесъ, ячмень, причемъ удобрение для послѣдняго кладутъ сверху, послѣ посѣва,—вѣроятно, въ видахъ лучшаго сохраненія отъ заморозковъ. Нашутъ здѣсь сохами и «косулями», и много труда кладеть земледѣлецъ для

добыванія насущнаго куска для семьи, но трудъ этотъ часто бываетъ совершенно не- производительный: неумѣніе пользоваться да- рами природы въ силу вѣкового невѣжества служитъ причиной этому. Иной бѣднякъ, вы- бившись изъ силь и вида, что земледѣліе плохо вознаграждаетъ его за труды, оста- вляетъ свое хозяйство на попеченіе жены и дѣтей подростковъ, а самъ уходитъ искать болѣе прибыльной работы. Огородничество здѣсь плохо развито,—съютъ въ большомъ количествѣ только картофель и рѣпа: первый —на полосахъ, а второй —въ подсѣкахъ. Эти овоющи доставляютъ населенію большое под- спорье къ харчу. Рѣпу употребляютъ и въ сыромъ видѣ, и пареную, и сухую; изъ су- хой приготавляютъ очень вкусный квасъ — «рѣпинцу», и «сусло», употребляющеся какъ приправа къ овсяному киселю. Изъ другихъ овоющей садятъ лукъ, брюкву, рѣдьку и рѣдко капусту, но при неумѣломъ и плохомъ уходѣ эти овоющи даютъ скучные урожаи. Какъ хо- зяйственное растеніе, разводятъ здѣсь еще ленъ, который при лучшей обработкѣ и куль- тивированіи могъ бы доставить населенію и— который доходъ.

Тѣсно связанное съ земледѣліемъ скотовод- ство здѣсь также существуетъ, но въ предѣлахъ хозяйственной необходимости. Лошадей держать для полевыхъ и иныхъ работъ, ко- ровъ—какъ кормилицъ семьи, а овецъ—для получения шерсти и мяка на зимнюю одежду и обувь. Хорошихъ пастьбищъ здѣсь нѣть, скотъ все лѣто ходить въ лѣсу безъ па- стуховъ, которыхъ не найти въ видахъ будто бы излишнихъ большихъ расходовъ, могутъ сдѣлаться непосильнымъ бременемъ для малочисленнаго населенія каждой деревушки, соединяясь же по нѣсколько деревень вмѣстѣ для найма общаго пастуха—нѣть возможности по причинѣ разбросанности и отдаленности поселеній, а между тѣмъ не рѣдки случаи нападеній на скотъ звѣрей, причиняющихъ немалые убытки и раззоря- ющихъ этимъ бѣдняковъ. Никакихъ промы- словъ, ремесль и заработка въ здѣшней мѣстности не существуетъ, даже нѣть здѣсь мелочной торговли, и всѣ необходимые това-

ры населенію приходится закупать въ отда- ленныхъ сосѣднихъ селахъ или въ городѣ, при чёмъ бѣдняки, не имѣющіе средствъ за- купить продуктовъ на продолжительное время, часто терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ, особенно во время весенней и осенней распутицы. Преобладающая бѣднота населенія составляетъ обычныя бытовыя картины здѣш- ней мѣстности, но есть и довольно зажиточ- ные крестьяне, у которыхъ достаётъ па годъ своего хлѣба и корму, даже лѣтомъ имѣется къ столу мясо, хотя и вяленое. Но обычнымъ питаніемъ большинства служатъ: мелкая рыба, вылавливаемая въ озерахъ, молочные продукты домашнаго скота, ржаной, житный и овсяный хлѣбъ, рѣпа, картофель, грибы и ягоды, въ изобиліи ростущіе въ здѣшнихъ лѣсахъ. На заработки здѣшние жители выѣжаютъ зимою въ «вывозки», а лѣтомъ въ «тягу» на каналъ, но такие выѣзы влекутъ за собою большую потерю времени, что невыгодно отзываются на хозяйствахъ выѣзающихъ.

Въ своемъ домашнемъ быту здѣшние жи- тели не особенно то опрятны и чистоплотны, крайне грубы и суевѣрны: вѣра въ лѣ- шинъ, домовыхъ, водяныхъ, въ колдовство и ворожбу—общераспространенная, и суевѣрная примѣты въ умахъ темныхъ простаковъ часто смѣшиваются съ религіозными вѣзрѣніями. Зимнія посидѣлки («бесѣды») и лѣтнія «игри- ща» молодежи, съ безнравственными пѣснями и шумными выходками,—также обычныя картины быта здѣшняго населенія. Праздни- ки здѣсь справляютъ тоже съ выпивками; частенько происходятъ у молодежи и дебоши.

Тагажмозеро замѣчательно между окрест- нымъ населеніемъ древнею святынею—явленіемъ иконою святителя и чудотворца Николая, читимо мѣстнымъ и окрестнымъ людомъ. Во дни памяти этого угодника сюда приходятъ многіе изъ сосѣднихъ селъ на поклоненіе ико- нѣ. Много заботъ и трудовъ положено мѣст- нымъ священникомъ на воспитаніе религіозно-нравственныхъ чувствъ въ темной средѣ и труды его въ этомъ направленіи не пропали даромъ: въ настоящее время тагажмозеры, движимые религіозными чувствами, безъ всякихъ просьбъ и увѣщаній, пожертвовали до

тысячи рублей изъ общественныхъ суммъ на внутреннее украшеніе и ремонтъ храма.

S.

На границѣ Финляндіи.

(Очеркъ).

Въ сѣверо-западной части Повѣнѣцкаго уѣзда, на границѣ Финляндіи, лежитъ обширная Ребольская волость.

Идущій быстрыми шагами материальный и духовный прогрессъ волости, еще недавно очень бѣдной и мало кому известной, особыя исключительныя условія быта и характеръ населенія—представляютъ для лицъ, интересующихся жизнью отдаленныхъ окраинъ нашей Олоніи, особый интересъ.

Дикая и суровая природа мѣстности, съ громадными по площади хвойными лѣсами (все сосна и изрѣдка ель; лиственницы очень мало), въ которыхъ топутъ тамъ и сямъ разбросанныя на далекомъ разстояніи другъ отъ друга крохотныя деревушки и дома-одиночки, населенные карелами, составляютъ прямое продолженіе сосѣдки Финляндіи.

Недалеко еще ушло то время, когда жители волости щли хлѣбъ съ примѣсью сосновой коры, когда они массами бѣжали «за хлѣбункомъ» въ болѣе богатыя и хлѣбныя мѣста губерніи, нанимаясь тамъ за мизерную плату въ пастухи и работники, или просто нищенствуя. Острая нужда въ хлѣбѣ гнала ихъ изъ родимыхъ лѣсовъ на чужбину. Заработковъ тогда почти никакихъ не было. Даже при деньгахъ трудно было достать хлѣбъ. Путей сообщенія не существовало. Земля на попытку извлечь изъ нея что либо давала терпіе. Хлѣбъ доходилъ до очень высокой цѣны—до 18 руб. за кульмуки. Населеніе прозябало на низкой степени какъ материальнаго, такъ и духовнаго развитія.

Теперь картина рѣзко измѣнилась. Но дѣственнымъ лѣсамъ застучалъ топоръ, ежегодно валя тысячи деревъ; угрююю тишину лѣса стали нарушать частые выстрѣлы винтовки, въ озерахъ стала ловиться рыба; болота стали осушаться и на нихъ мѣстѣ

выростать сѣнокосные луга. Массами сталь сплавляться лѣсъ въ Финляндію, возами отправляется дичь и рыба и превосходное «чухонское» масло карельского производства. Пріободрился реболецъ... Хлѣбъ вотъ только плохо рождается... Ну, да это ничего! Были-бы деньги только (а онѣ есть, благо заработки на рѣдкость хороши), а хлѣбъ купить можно и недорого и недалеко—въ сосѣднемъ финскомъ селѣ Піелисъ-ярви (иначе Ліекса). Поденевѣль сѣть, когда провели желѣзную дорогу изъ г. Йоэнсу въ Ліексу, зато страшно вздорожали рыба, мясо и масло, что опять реболцу на руку.

Главнымъ благодѣтелемъ для реболца явился, конечно, лѣсъ. Лѣса, крестьянского и казеннаго, продается ежегодно такъ много, что далеко не хватаетъ мѣстныхъ рабочихъ рукъ и изъ Финляндіи являются и наводняютъ волость сотни финновъ—возчиковъ, рубчиковъ и сплавщиковъ. Сплавляется лѣсъ по рѣкамъ и озерамъ фирмою Гугцѣйтъ и Ко въ Финляндію.

Поденная плата рабочему очень высока—нанять мужичекъ—истрозводчанинъ, пожалуй, и не повѣрить: отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ марокъ (отъ 1 р. 30 коп. до 1 р. 65 к. на наши деньги). Въ зимнее время два мужичка съ лошадью зарабатываютъ въ день рублей 8, а при хорошихъ условіяхъ до 10. Нанять крестьянина щѣхать верстъ за 40—50 нельзя дешевле 13—16 марокъ (5—6 руб.). Хлѣбъ рождается плохо, хотя, надо сказать правду, земля разрабатывается и удобряется хорошо. Виноваты климатъ и почва. Сѣно и солома очень дороги и лошадей кормятъ зимою сѣчкою. Килограммъ рѣзаной соломы стоятъ 10 пенни (около 4 коп.). Кубача соломы—50 коп. Больше пользы, пожалуй, даетъ скотоводство. Масло вырабатывается хорошаго качества, во многихъ случаяхъ—сепараторное, и продается отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 хт марокъ килограммъ (40—45 коп. фунтъ) въ Финляндію. Рыба (сигъ, лосось, харіуст, ряпушка и др.) продается туда же по хорошей цѣнѣ. Спростъ и цѣна на нее особенно возрасли съ постройкой вѣтки желѣзной дороги отъ г. Йоэнсу до с. Ліексы (уже теперь окон-